

Александр Восьмой

**Рынок Саймона
(Оптимизация Фирмы)**

Александр Восьмой Рынок Саймона (Оптимизация Оксидов Фаргус)

<https://litres.ru/74191157>

SelfPub; 2026

Аннотация

В забытом богами уголке континента, в городе Касаракшен, юноша Саймон бросает вызов унылой рутине — он открывает свой рынок. Сперва это лишь скромная площадка, где скупают грибы, древесину и картошку у деревенских жителей, но Саймон знает цену каждому мешку и каждому золотому грамму: он продаёт на 10 % дороже, давая людям шанс вырваться из нищеты. Постепенно рынок становится сердцем города, а Касаракшен — важным торговым узлом. Сквозь интриги, недоверие и бури Саймон прокладывает путь к большему: его идея разрастается, охватывая всю страну Ковпики. Из простого торговца он превращается в президента, чья империя рынков меняет экономику целого континента. Это история о том, как капля золота, вложенная в доверие, способна перекроить карту мира — и о цене, которую приходится платить за величие.

Александр Восьмой

Рынок Саймона

(Оптимист Окси Фаргус)

Глава 1. «Тени у старой площади»

Туман не просто стелился над Касаракшеном — он будто прятал город от самого себя. Серые каменные плиты старой площади проступали сквозь молочную дымку, как забытые кости давно умершего зверя. Ветер гулял между покосившимися прилавками, шуршал обрывками старых объявлений и раскачивал ржавые крюки, на которых когда-то висели связки лука и вяленая рыба. Здесь ещё можно было расслышать призрачные отголоски былой торговли: скрип тележных колёс, гортанные выкрики торговцев, звон монет — но теперь эти звуки были тише шёпота, почти неразличимы.

Саймон стоял посреди этой тишины, не шевелясь, будто боялся спугнуть момент. Его плащ потемнел от утренней росы, а пальцы крепко сжимали потрёпанный кожаный кошель — в нём едва позвякивали медные монеты. Он не смотрел по сторонам, не искал одобрения или подсказки. Его взгляд был прикован к пустым прилавкам, к трещинам в камне, к тому, как свет пробивался сквозь туман, рисуя на брусчатке дрожащие золотые полосы.

«Здесь будет мой рынок», — прошептал он, и слова про-

звучали не как мечта, а как клятва.

В этот миг из тумана выступила фигура — старушка в поношенном плаще, с корзиной, прикрытой грубой тканью. Её глаза были усталыми, но в них ещё жила осторожность, смешанная с надеждой. Она не подошла близко, остановилась в нескольких шагах, будто проверяя, не исчезнет ли юноша, если она сделает ещё шаг.

— Ты что, всерьёз хочешь торговать здесь? — спросила она, голос её был хриплым, но твёрдым.

Саймон не стал рассыпаться в обещаниях. Он просто кивнул.

— Я куплю у тебя грибы. Всё, что есть в корзине.

Старушка усмехнулась, но в этой усмешке не было злобы — только горькая привычка не верить в удачу.

— А зачем они тебе? Тут никто уже не покупает. Дороги плохие, купцы стороной обходят...

— Потому что их нужно купить, — спокойно ответил Саймон. — И потому что ты их собрала. Это труд. А труд должен стоить больше, чем кусок хлеба.

Он открыл кошель и вынул несколько медных монет. Не самую щедрую плату, но и не ту жалкую горстку, которую давали заезжие перекупщики, спешащие уехать до темноты.

— Вот. Это за корзину. И ещё... — он помедлил, будто взвешивая каждое слово. — Я дам тебе больше, чем ты ждёшь. В следующий раз — на десять процентов больше. Если привезёшь снова.

Старушка замерла. Её пальцы дрогнули, сжимая ручку корзины.

— На сколько? — переспросила она, будто не веря своим ушам.

— На десять процентов, — повторил Саймон, глядя ей прямо в глаза. — Не потому что я добрый. А потому что так будет честно. И так будет выгодно всем.

Она долго смотрела на него, словно пытаясь разглядеть сквозь туман не только его лицо, но и будущее, которое он обещал. Потом медленно кивнула, приняла монеты и, не сказав больше ни слова, растворилась в дымке, оставив после себя лишь лёгкий запах сухих трав и грибов.

Когда туман начал рассеиваться, Саймон опустился на колени и провёл ладонью по холодной брусчатке. Камень был шершавым, покрытым трещинами, но под слоем пыли и времени всё ещё чувствовалась его сила. Он улыбнулся — впервые за долгое время искренне, без напряжения.

Первая сделка была заключена. Простая, почти незаметная. Но именно с таких сделок начинались империи.

Солнце поднималось выше, и его лучи, пробиваясь сквозь остатки тумана, зажигали на камнях крошечные золотые искры. Площадь всё ещё была пуста, всё ещё хранила следы запустения, но теперь в её тишине звучало новое эхо — не прошлое, а будущее. И это эхо принадлежало Саймону.

«Рынок Саймона», — мысленно повторил он, пробуя слова на вкус. Они звучали твёрдо. Как сталь. Как начало пути.

Глава 2. «Цена доверия»

Первые дни рынка напоминали танец на лезвии ножа. Площадь, ещё недавно безмолвная и заброшенная, теперь гудела, как растревоженный улей: скрипели колёса телег, ржали лошади, крестьяне спорили с возчиками, а над всем этим висел густой запах свежей древесины, земли и сырой картошки. Но в этом шуме не было радости — только насто-ро-жённость. Люди приходили, оглядывались, щупали монеты в карманах, будто проверяя, не исчезнут ли они от одного неверного слова.

Саймон стоял у своего прилавка — простого, сколоченного из грубых досок, с выцветшей табличкой, на которой неровными буквами было выведено: «Рынок Саймона». Он не кричал, не зазывал, не размахивал руками, как это делали старые торговцы. Вместо этого он просто смотрел. Внимательно. Так, будто каждый человек, подошедший к нему, был не просто продавцом, а союзником в чём-то большом.

— Зачем тебе картошка? — спросил хмурый крестьянин, сгружая мешок у края прилавка. Его сапоги были в грязи, а взгляд — тяжёлым, как мокрый камень.

Саймон не стал отвечать вопросом на вопрос. Он взял картофелину, повертел в пальцах, оценил, кивнул.

— Затем, что она стоит больше, чем тебе дают. Ты её выкопал. Ты её привёз. Это труд. А труд не должен стоить копейки.

Он отсчитал монеты — на десять процентов больше, чем платили перекупщики у городской стены. Крестьянин замер, пересчитывая взглядом блестящие кругляши.

— Это... точно мне? — пробормотал он, будто боялся, что монеты сейчас растворятся в воздухе.

— Точно, — спокойно ответил Саймон. — И в следующий раз будет столько же. Или больше, если привезёшь больше. Главное — чтобы честно. Без гнили, без обмана. Мы строим здесь не просто рынок. Мы строим доверие.

Крестьянин кивнул, сгрёб монеты и ушёл, не оглядываясь. Но через час вернулся с ещё одним мешком — и привёл с собой соседа.

Так пошло дело. Понемногу, капля за каплей, площадь начинала оживать. Женщины приносили корзины с грибами, лесорубы — связки дров, мальчишки таскали мешки с картошкой, будто это были сокровища. И каждый раз, когда Саймон платил чуть больше, в глазах людей мелькало что-то новое — не жадность, а надежда. Надежда на то, что, может быть, этот город снова станет местом, где труд вознаграждается.

Но не все радовались переменам.

К полудню у края площади появились трое в тёмных плащах — местные перекупщики, которые годами диктовали цены в Касаракшене. Они стояли, скрестив руки, и смотрели на рынок Саймона так, будто перед ними был не прилавок, а враг.

Один из них, высокий, с лицом, изрезанным шрамами, подошёл к Саймону, когда тот взвешивал очередную партию дров.

— Ты играешь не по правилам, парень, — процедил он, наклоняясь так близко, что Саймон почувствовал запах дешёвого табака и железа. — Здесь цены ставим мы. И если ты хочешь спокойно торговать, придётся делиться.

Саймон не поднял глаз. Он аккуратно положил гирьку на весы, проверил, выровнялась ли стрелка, и только потом медленно выпрямился.

— Я не играю, — тихо, но твёрдо ответил он. — Я строю. И делиться буду только с теми, кто работает. С теми, кто везёт товар. С теми, кто заслуживает.

Перекупщик усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Тогда готовься к трудностям, — прошипел он и, резко развернувшись, ушёл, оставив после себя только тень и холод.

А трудности не заставили себя ждать.

Ближе к вечеру на площадь въехала тяжёлая повозка, гружённая брёвнами. Возчик, крепкий мужчина с обветренным лицом, проехал мимо прилавка Саймона, даже не взглянув в его сторону.

— Эй! — крикнул один из помощников Саймона, мальчишка лет пятнадцати. — Ты куда? Тут платят больше! Возчик лишь махнул рукой:

— Мне велено везти к старым складам. Там уже ждут.

И повозка покати́лась дальше, прочь с площади, туда, где старые правила ещё имели вес.

В этот момент что-то внутри Саймона щёлкнуло. Не гнев, не обида — а холодная ясность. Он понял: если он позволит увезти этот груз, если позволит старым порядкам диктовать условия, то всё, что он строил с таким трудом, рассыплется, как песок под дождём.

Не раздумывая, он рванулся вперёд.

— Стой! — его голос прозвучал неожиданно громко, перекрывая шум площади.

Возчик натянул поводья, лошадь заржала, повозка дёрнулась и замерла. На мгновение время будто остановилось: люди на площади замерли, разговоры стихли, даже ветер, казалось, перестал шуметь в щелях старых лавок.

Саймон подбежал, упёрся руками в борт повозки и посмотрел прямо в глаза возчику.

— Этот город будет торговать честно, — произнёс он, и в его голосе звучала не просьба, а клятва. — Ты привёз древесины. Ты работал. Ты заслужил справедливую цену. И я дам её тебе. Здесь. Сейчас.

Возчик колебался. В его взгляде читалась борьба: привычка подчиняться приказам против желания получить достойную плату.

— А если меня накажут? — прохрипел он.

Саймон не отвёл взгляда.

— Тогда накажут меня. Я беру это на себя.

Тишина повисла над площадью, тяжёлая и звенящая. А потом, медленно, будто преодолевая невидимую силу, возчик кивнул. Он развернул повозку и направил её обратно к прилавку Саймона.

Толпа на площади выдохнула. Кто-то тихо аплодировал, кто-то шептал молитвы, а кто-то просто стоял, широко раскрыв глаза, будто видел чудо.

Саймон принял груз, расплатился щедро, с улыбкой, которая не была ни насмешливой, ни слабой — она была уверенной. И в этот момент он понял: доверие — это не то, что даётся сразу. Его нужно заслужить. Снова и снова. Каждый день.

Солнце клонилось к закату, окрашивая крыши домов в багряный цвет. Площадь всё ещё гудела, но теперь в этом гуле звучало что-то новое — не страх, а ожидание. Ожидание того, что, возможно, этот город действительно может стать другим.

«Рынок Саймона» — пронеслось в головах людей, и эти слова уже не казались смелой мечтой. Они становились реальностью.

Глава 3. «Грибной рассвет»

Деревня просыпалась не по звону колоколов — по дыханию леса. Ещё до того, как первые лучи солнца касались крыш, воздух становился прохладным и густым, пропитан-

ным запахом влажной земли, прелой листвы и чего-то древнего, что пряталось в корнях старых деревьев. В этот час лес был не просто местом — он был хранителем, строгим и молчаливым, и чтобы получить от него хоть что-то, нужно было войти в его ритм: ступать тихо, слушать шорохи, замечать, где роса ложится гуще, а где земля чуть мягче.

Семья Леры выходила в лес, как на священный обряд. Лера, женщина с руками, загрубевшими от работы, но всё ещё нежными в мелочах, завязывала платок потуже, проверяла корзину, кивала мужу, и они шли, ведя за собой сына — мальчишку лет двенадцати, который всё ещё верил, что в лесу живут духи, шепчущие, где прячутся самые лучшие грибы.

— Смотри под папоротник, — шептала Лера, будто боясь спугнуть удачу. — Там, где тень держится дольше.

Мальчик кивал, глаза его блестели не от страха, а от предвкушения. Для него это был не просто сбор грибов — это была охота, приключение, путь к чему-то большому.

Капли росы действительно сверкали, как крошечные алмазы, когда первые лучи начали пробиваться сквозь кроны. Они цеплялись за травинки, за шляпки грибов, за края корзин, и каждый блик казался обещанием: сегодня будет хороший день.

Лера знала эти тропы наизусть. Она помнила, где в прошлом году рос белый гриб, где прятались лисички, где земля была мягкой и влажной — идеальной для боровиков. Её

движения были плавными, почти танцевальными: нагнуться, срезать гриб острым ножом у самой земли, положить в корзину, прикрыть травой, чтобы не помялся. Рядом муж молча складывал грибы в мешок, его лицо было спокойным, но в глазах читалось напряжение — они надеялись, что сегодня хватит не только на хлеб, но и на то, о чём давно мечтали.

Когда корзины наполнились, а небо из тёмно-синего стало золотистым, они повернули к дороге, ведущей в Касаракшен. Мальчик шёл впереди, размахивая палкой, будто отгоняя тени, а родители шли следом, неся груз, который был тяжелее не весом, а ожиданиями.

На окраине города их встретил не шум и суета, а что-то новое — ритм, которого раньше не было. Площадь, где теперь стоял «Рынок Саймона», гудела, но не хаотично, а упорядоченно: здесь знали, куда идти, к кому обращаться, сколько ждать. Люди не толкались, не кричали друг на друга — они стояли в аккуратных очередях, переговаривались тихо, будто боялись нарушить хрупкое равновесие, которое только начало складываться.

Лира подошла к прилавку Саймона. Он стоял там же, где и в первый день, — не в центре, не на виду, но так, что его было видно отовсюду. Его взгляд скользил по лицам, по корзинам, по рукам, сжимавшим рукояти, и в этом взгляде не было жадности — только внимание.

— Доброе утро, — сказал он спокойно, когда Лира поставила корзину на прилавок. — Вижу, лес был щедр.

Она кивнула, не зная, что сказать. Слова будто застряли в горле от волнения.

Саймон взял гриб, повертел в пальцах, понюхал, улыбнулся едва заметно.

— Хороший урожай. Крепкие, чистые. Лес не отдал бы их кому попало.

Он взвесил корзину, отсчитал монеты — и среди них блеснули золотые кругляши. Десять граммов золота. Сумма, которая раньше казалась недостижимой мечтой, теперь лежала на грубой деревянной поверхности прилавка, сияя так ярко, что Лира на мгновение зажмурилась.

— Это... всё мне? — прошептала она, голос дрожал не от жадности, а от неверия.

Саймон кивнул.

— Тебе и твоей семье. За ваш труд. За то, что вы пришли сюда, а не отдали грибы тем, кто платит копейки.

Лира сгребла монеты дрожащими пальцами, прижала к груди, будто боялась, что они исчезнут, если она ослабит хватку.

— Спасибо, — пробормотала она, и в этом «спасибо» было больше, чем просто благодарность. В нём была надежда.

Её муж стоял рядом, молча, но его плечи чуть опустились — напряжение, копившееся годами, наконец-то начало уходить. Мальчик смотрел на золото, широко раскрыв глаза, и в его голове уже рождались мечты: новая телега, которую не придётся чинить каждую неделю; крыша, которая не будет

протекать в дождь; школа в городе, куда он сможет ходить, если родители решат, что это возможно.

Они ушли, оставив после себя лишь лёгкий запах леса и тишину, которая теперь казалась не пустой, а наполненной смыслом.

А Саймон остался стоять у прилавка, глядя им вслед. Он не улыбался широко, не праздновал победу — он просто наблюдал. И в этом наблюдении было понимание: его рынок становился не просто местом торговли, а сердцем экономики, пульсирующим в ритме тысяч жизней.

Вдали, на опушке леса, где последние тени ночи ещё цеплялись за стволы деревьев, Саймон заметил фигуру — он стоял там, скрытый в полумраке, наблюдая за площадью. Это был не враг, не шпион, а просто человек, который хотел понять, что происходит. И Саймон знал: таких людей будет много. Они будут приходить, смотреть, сомневаться, верить. И его задача была не заставить их поверить, а дать им повод.

Рассвет поднимался всё выше, заливая лес золотым светом. Лучи пробивались сквозь кроны, рисуя на земле узоры, похожие на сеть дорог, соединяющих деревню с городом, город — с континентом, а мечты — с реальностью. Казалось, сам лес благословлял начинание Саймона, шелестя листвой, как будто шептал: «Продолжай».

И Саймон продолжал. Не ради золота, не ради славы, а ради того, чтобы каждый, кто приходит на его рынок, чувствовал: его труд важен. Его усилия замечены. Его история

— часть чего-то большего.

Площадь гудела, корзины наполнялись, монеты звенели, а над городом поднимался новый день — день, в котором даже простой сбор грибов становился шагом к переменам.

Глава 4. «Шёпот улиц»

Слухи расплзались по Касаракшену, как утренний туман по низинам — незаметно, но неотвратно. Они рождались на перекрёстках, где старушки обсуждали новости, перекатывались через прилавки, где торговцы мерили взглядом каждый медяк, и витали над тавернами, где за кружкой эля мужчины спорили о том, правда ли на рынке Саймона платят на десять процентов больше. К полудню эти шёпоты сливались в гул, к вечеру — в уверенный рокот, а к утру следующего дня уже казались голосом самого города.

На улицах становилось тесно. Повозки, которые раньше объезжали старую площадь стороной, теперь тянулись к ней вереницей: скрипучие крестьянские телеги, тяжёлые фургоны лесорубов, лёгкие двуколки мелких торговцев. Воздух густел от запахов: мокрой соломы, свежей древесины, земли, прилипшей к сапогам, и едва уловимого аромата надежды — того самого, что появляется там, где люди начинают верить, что их труд наконец-то оценят.

Город менялся на глазах. Там, где ещё неделю назад царила тишина, теперь кипела жизнь. Улицы, будто проснувшись от долгого сна, наполнялись движением: мальчишки бежали

вперёд повозок, показывая дорогу, женщины перекрикивались через заборы, обсуждая цены, а ремесленники, прищурившись, прикидывали, где бы поставить новую лавку, чтобы ловить поток людей, идущих к рынку.

Возле «Рынка Саймона» уже не хватало места. Прилавки теснились друг к другу, как старые друзья, которым вдруг стало тесно от нахлынувшего счастья. Рабочие сновали между ними, таскали ящики, расставляли весы, проверяли гири. А в центре всего этого вихря стоял Саймон. Он не кричал, не размахивал руками, но его присутствие чувствовалось везде — как пульс, который задаёт ритм всему телу.

К нему подходили с вопросами, с жалобами, с предложениями. Кузнец хотел поставить кузницу рядом с рынком: «Люди будут покупать подковы, гвозди, скобы — всё сразу, не отходя!» Плотник предлагал построить навесы, чтобы товар не мокло под дождём. Даже старый трактирщик, который раньше смотрел на Саймона с недоверием, теперь спрашивал, не нужен ли рынку свой постоянный двор для приезжих торговцев.

— Мы растём, — тихо пробормотал Саймон, глядя на бесконечную вереницу повозок, ползущих к площади. — Слишком быстро.

Рядом с ним стоял Маркус — бывший грузчик, а теперь его правая рука. Он хмурился, теребил край плаща и считал что-то на пальцах.

— Спрос обгоняет нас на три шага вперёд, — проворчал

он. — Мы не успеваем принимать товар. Люди стоят в очередях, ругаются, кто-то уже уезжает, не дождавшись. А если они начнут возить в другие города?

Саймон кивнул. Он и сам это видел: несколько повозок свернули на боковую улицу, явно решив поискать другое место. Это был тревожный знак. Если рынок не сможет принять весь товар, люди найдут тех, кто сможет. И тогда хрупкое доверие, которое он выстраивал день за днём, начнёт рассыпаться.

В этот момент к прилавку подошёл старик в потрёпанном плаще — один из тех, кто раньше скупал грибы и картошку за бесценок, а теперь смотрел на рынок Саймона с плохо скрытой досадой.

— Ты не справишься, — процедил он, не здороваясь. — Слишком много, слишком быстро. Город не готов к такому потоку.

Саймон не стал спорить. Он просто посмотрел старику в глаза.

— Город не был готов. Но он становится готовым. Каждый день. Каждый человек, который приносит сюда свой товар, — это шаг вперёд.

Старик фыркнул и ушёл, оставив после себя только запах старого табака и тень сомнения. Но Саймон знал: такие тени нужно не прогонять, а перекрывать светом.

Вечером, когда солнце опустилось к крышам и окрасило город в тёплые оттенки охры и золота, Саймон поднялся на

невысокий помост, который рабочие сколотили специально для него. Он не хотел стоять выше других, но ему нужно было, чтобы его слышали.

Площадь постепенно затихала. Люди откладывали дела, поворачивались к помосту, прислушивались. Шёпот не смолкал, но теперь он был направлен в одну сторону — к Саймону.

Он поднял руку, и тишина стала почти осязаемой.

— Я вижу, как вы работаете, — начал он, и голос его звучал не громко, но твёрдо, словно высеченный из камня. — Я вижу, как вы встаёте до рассвета, как везёте товар по плохим дорогам, как надеетесь, что сегодня будет лучше, чем вчера. И я хочу, чтобы так и было. Каждый день.

Толпа слушала, затаив дыхание. Кто-то кивал, кто-то сжимал кулаки, будто готовясь к чему-то большому.

— Сейчас нам тесно. Сейчас мы не успеваем. Но это не значит, что мы остановимся. Наоборот — мы расширимся. Мы построим новые ряды, новые склады, новые дороги. Мы сделаем так, чтобы каждый, кто приходит сюда, знал: его труд важен, его товар нужен, его голос будет услышан.

Люди переглядывались. В их взглядах читалось сомнение, смешанное с надеждой.

— И это только начало, — продолжил Саймон, и в его голосе зазвучала сталь. — Я хочу, чтобы Касаракшен стал не просто городом, где торгуют. Я хочу, чтобы он стал торговым центром всего континента. Чтобы сюда везли товары со

всех концов земли. Чтобы имя нашего рынка знали в каждом уголке Ковпики.

Тишина повисла над площадью, тяжёлая и звенящая. А потом кто-то в задних рядах тихо, но отчётливо произнёс:

— А ты сможешь?

Саймон улыбнулся — не широко, не радостно, а так, будто принимал вызов, который давно ждал.

— Смогу, — ответил он твёрдо. — Потому что я не один. Вы — со мной. И вместе мы сделаем это.

И в этот момент что-то изменилось. Не на площади, не в городе — в воздухе. Будто ветер, пронёсшийся над крышами, подхватил его слова и разнёс их по всему Касаракшену, по окрестным деревням, по дорогам, уходящим за горизонт.

Толпа взорвалась криками. Кто-то хлопал в ладоши, кто-то выкрикивал его имя, кто-то просто стоял и улыбался, не веря своему счастью. В этом шуме уже не было недоверия — только вера в то, что перемены возможны.

Когда крики стихли, а люди начали расходиться, Маркус подошёл к Саймону и хлопнул его по плечу.

— Ну что, босс, — пробормотал он с усмешкой. — Теперь ты не просто торговец. Ты — тот, кто обещает перевернуть город.

Саймон посмотрел на площадь, на огни факелов, на силуэты людей, возвращающихся домой с полными кошельками и лёгкостью в сердце.

— Не перевернуть, — поправил он тихо. — А построить

заново.

Ночь опускалась на Касаракшен, укутывая его в тёмный плащ, но даже в темноте было видно, как город светится изнутри — не огнём, не фонарями, а чем-то большим. Светом надежды, который разгорался всё ярче, обещая, что завтра будет лучше, чем сегодня.

А Саймон стоял и смотрел, как этот свет растекается по улицам, и знал: впереди много работы. Но теперь он был не один. И этого было достаточно.

Глава 5. «Испытание древесиной»

Сезон заготовки древесины всегда был временем предельной собранности и тяжёлого труда: когда лес отдаёт брёвна, город должен быть готов их принять. В Касаракшене этот ритм чувствовался особенно остро — каждое бревно, каждая вязанка дров были не просто товаром, а обещанием тепла, стройки, движения вперёд. Лесорубы работали от рассвета до заката, их руки покрывались свежими мозолями поверх старых шрамов, а спины ныли от тяжести, но в глазах горел упрямый огонь: сегодня нужно успеть. Сегодня нужно привезти всё на рынок Саймона.

Но природа решила испытать город на прочность.

Дождь шёл три дня подряд, не переставая, будто небо решило смыть с земли все следы человеческой суеты. Дороги, и без того разбитые колёсами повозок, превратились в вязкие реки грязи, где даже осторожная лошадь ступала с опас-

кой. Земля набухла, стала тяжёлой и коварной, цепляясь за колёса, затягивая их в себя, как голодный зверь.

Именно в эти дни на подступах к городу случилось то, чего боялись все: несколько повозок с древесиной застряли на размытом участке тракта, ведущем от северных лесосек. Одна повозка увязла по самые оси, вторая съехала в кювет, а третья, пытаясь объехать препятствие, только глубже ушла в трясину. Возчики метались вокруг, кричали на лошадей, дёргали упряжь, но чем сильнее они торопились, тем упрямее грязь держала добычу.

Весть об этом долетела до рынка быстрее, чем дождь успевал стекать с крыш. Рабочие на площади замерли, переглядываясь: если древесина не приедет, рухнет график поставок, сорвутся договорённости с мастерами, а главное — люди, которые столько трудились, останутся без платы. Без тех самых десяти граммов золота, что стали для многих не просто деньгами, а опорой.

Саймон услышал новость, когда взвешивал очередную корзину грибов. Он на мгновение задержал гирьку в руке, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, а потом резко опустил её.

— Маркус, — коротко бросил он, поворачиваясь к помощнику. — Собери людей. Возьми верёвки, доски, всё, что может пригодиться. Мы едем вытаскивать повозки.

Маркус замер, глаза его расширились.

— Ты серьёзно? Там грязь по колено, дождь льёт стеной...

Да и это не твоя забота — возчики сами виноваты, что поехали в такую погоду!

Саймон шагнул ближе, голос его звучал спокойно, но в нём звенела сталь.

— Это моя забота. Потому что эти люди везли товар для моего рынка. Потому что они работали, чтобы заработать честно. И если я позволю грязи забрать их труд — значит, всё, что я строю, ничего не стоит.

Он не стал ждать ответа. Схватил плащ, накинул на плечи, затянул пояс и вышел под дождь. Капли тут же забарабанили по ткани, стекали по лицу, смешивались с каплями пота, но он не замечал этого. Для него сейчас существовало только одно: дорога, грязь и люди, которым нужна помощь.

К нему начали присоединяться другие. Сначала Маркус, ворча что-то про «безумцев», потом несколько грузчиков, затем кузнец, который принёс толстые верёвки и железные крюки, а следом — крестьяне, лесорубы, даже мальчишки, которые бежали рядом, стараясь не отставать. Толпа собиралась быстро, как будто сама земля подталкивала их вперёд, требуя действовать.

Дорога к месту аварии была настоящим испытанием. Грязь цеплялась за сапоги, пыталась стянуть их, хватала за ноги, будто хотела удержать. Дождь хлестал по лицам, смывал слова, заставлял шуриться, но люди шли. Они шли не за наградой, не за приказом — они шли, потому что верили: если Саймон готов лезть в грязь ради них, значит, и они

должны быть рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.